

Дмитрий Михайлович Буланин

Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план ее завершения*

Неординарная биография, благоговение перед автором современников и потомков, тематическое разнообразие его творений и самый объем его литературного наследия, сложная и разветвленная рукописная традиция текстов – все это предопределило устойчивый интерес к жизни и творчеству Максима Грека в новейшей историографии. Не будет преувеличением сказать, что он входит в десятку писателей Древней Руси, находящихся в эпицентре современных исторических и филологических разысканий¹. Из многих номеров библиографии смело можно выделить две книги, которые – по своей значимости для освоения темы – перевесят все остальные вместе взятые монографии, статьи и публикации, имеющие предметом биографию и сочинения Максима Грека. Разумею два начальных тома первого научного издания писаний ученого книжника, тома, которые позволительно рассматривать как первые шаги в публикации полного собрания сочинений Максима Грека (МГ, I-II, 2008-2014). Редактором и главным исполнителем всех операций при подготовке обоих томов явилась Нина Васильевна Сеницына – лучший на тот момент знаток всего, что связано с литературной деятельностью и судьбой афонского старца. К сожалению, 1 апреля 2018 г. Н.В. Сеницына скончалась, так и не успев довести до конца задуманное издание. Оборвется ли оно на втором томе или будет продолжено? – В нижеследующих заметках о вышедших томах и о возможных дополнениях и коррективах, которые стоило бы внести в замысел серии при подготовке к публикации оставшихся неизданными текстов Максима Грека, предлагаю исходить из оптимистического прогноза – будто у неоконченного дела найдутся продолжатели. Предлагаемые заметки бесполезны еще и потому, что полное собрание сочинений Максима Грека, будь оно закончено, явилось бы для палеославистики в известном смысле пионерским мероприятием.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137.

¹ Список литературы, посвященной Максиму Греку и вышедшей до 2012 г., можно составить по трем кн.: Иванов 1969: 218-236; СККАР, II/2: 89-98; II/3: 283-294.

1. *Полное собрание сочинений*

В отношении большинства древнерусских писателей, по крайней мере тех, что подвизались в пределах до XVI в., задача издать полное собрание их сочинений не является актуальной. Это объясняется присущей средневековой культуре редуцией авторского начала, вследствие чего отдельные тексты распространяются анонимно, другие же – с указанием имени – обозначают этим именем разную степень индивидуального вклада в генерацию памятника, в широком диапазоне от работы подлинного сочинителя до труда простого копииста (ср. Гардзанини 2019). Изданные в виде свода творения некоторых писателей (например, Кирилла Туровского или Григория Цамблака) обычно основываются на циклизации этих творений по жанровому признаку в самой рукописной традиции, преимущественно в пределах ограниченной номенклатуры гомилетических жанров. Хотя в письменности конца XV-XVI в. возникла иной раз тенденция к аккумуляции произведений наиболее уважаемых авторов, и делались даже к тому первые шаги (Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Ермолай-Еразм), сложившиеся комплексы их писаний ни по листажу, ни по популярности не могут соперничать с грандиозными рукописными собраниями сочинений Максима Грека. Дело, конечно, не столько в несоизмеримом объеме написанного названными авторами и нашим героем, сколько в элементарности внутренней структуры их наследия: соединив под одним переплетом *Предание*, *Устав* и послания Нила Сорского, мы, хотя и получим для издания полное собрание его сочинений, едва ли добавим через это что-либо новое к нашим сведениям о писателе. Что же касается Максима Грека, то первые опыты сборников собственных трудов были укомплектованы многоученым старцем собственноручно, после его смерти они неуклонно разрастались в объеме и представляют собой многостраничные рукописные фолианты. Получается, что сама форма распространения трудов афонского инока в рукописях подталкивает современного ученого к мысли об издании серии, образующей собрание сочинений писателя. Но этого мало. Для того, чтобы такое собрание было полным, необходимо учесть сочинения и переводы Максима Грека, которые не вошли в рукописные собрания его творений, а распространялись в кодексах монографического характера (иногда в многотомных, как перевод Толковой Псалтири) или в сборниках разнообразного состава, наконец, уникальные списки, где отложились разные части архива афонского инока. Таким образом, в истории русской литературы Максим Грек – первый из героев, чье наследие как по многообразию и объему, так и по совокупным результатам его освоения культурой средневековья может дать материал для публикации этого наследия в виде полного собрания сочинений. По типу тех, с какими мы привыкли иметь дело, занимаясь литературой последних столетий.

Знаменательно, что вторым по счету русским литератором, чьи писания, включая переводы, безусловно заслуживают издания в виде полного собрания сочинений, является князь Андрей Курбский – страстный поклонник нашего героя. Собственно говоря, публикация такого собрания уже начата была, в соответствии с принятыми тогда правилами, Г.З. Кунцевичем, выпустившим в 1914 г. в «Русской исторической

библиотеке” том, содержащий оригинальные произведения князя; еще один подготовленный исследователем том, с изданием переводов Курбского (малой их части), сохранился в корректурных листах (РИБ, XXXI; Санкт-Петербургский институт истории РАН, Русская секция, ф. 276, оп. 1, № 30). В XVII в. – переходном от средневековья к новому времени – находим уже целую когорту литературных деятелей, чьи сочинения как по их значимости в литературном процессе, так и по общей массе написанного достойны публикации в полном объеме, т. е. как полные собрания сочинений. Таковы, к примеру, Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Евфимий Чудовский, Афанасий Холмогорский, и др. В наличии же у нас имеется по литературе XVII в. только лишь бывшее для своего времени (1927) исчерпывающим издание сочинений протопопа Аввакума в соответствующем томе все той же “Русской исторической библиотеки” (РИБ, XXXIX/1, 1). По сегодняшним меркам это старое издание не может уже считаться полным, а эдиционные правила, которых придерживалась “Русская историческая библиотека”, не могут удовлетворить современного читателя. Ситуация ныне такова: в то время как принципы публикации отдельно взятых памятников древнерусской литературы до тонкостей разработаны (ср. Дмитриева 1955), для работы над полным собранием сочинений средневекового автора какого-либо эталона не изобретено. Откуда следует, что начатое Синецкой издание трудов Максима Грека, помимо его вклада в осмысление творчества писателя, имеет ценность как первый, пускай не вполне совершенный, эксперимент в подготовке подобной серии.

Для объективной оценки эксперимента, за отсутствием универсального мерила, предлагаю воспользоваться богатым опытом, накопленным академической филологией в издании полных собраний сочинений классиков русской литературы XVIII–XX вв. Высокий стандарт, которому должны соответствовать такие серии, был заложен еще в дореволюционные годы, когда, в серии “Академическая библиотека русских писателей”, выпущены были под редакцией лучших знатоков предмета сочинения А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова и Е.А. Баратынского (1909–1915 гг.). Публикация основного текста каждого из произведений сопровождалась извлечениями из черновиков, комментарием и указателями. Советские филологи стремились удержать и даже поднять высокую планку подобных изданий. Действительно, выход очередного академического собрания сочинений всякий раз становился большим событием не только в кругу узких специалистов, но и среди широкой читающей публики. Наиболее известным из числа этих изданий, разумеется, является шестнадцатитомное полное собрание сочинений А.С. Пушкина (1937–1949 гг.), приуроченное к столетию со дня его гибели. Прискорбно, что из серии был исключен историко-литературный и реальный комментарий. За академическим Пушкиным последовали М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, и др. Ни одно из этих изданий по разным причинам не было, на самом деле, полным (хотя существовали и “более чем полные собрания сочинений”, куда по недосмотру включались посторонние тексты), к ним предъявляют и другие претензии (Лавров 2011). И все же трудно переоценить культурно-просветительское значение академических собраний, которые узаконивали канонические

редакции, служившие потом источником для бесчисленных массовых перепечаток классиков (включая хрестоматийные *Горе от ума* и *Медного всадника*). С собственно научной точки зрения главное отличие академических полных собраний от любых других заключается в том, что они представляют собой итог многолетних разысканий о наследии каждого из издаваемых писателей, разысканий, которые отражаются в сопровождающих основной текст комментариях и в справочном аппарате. Предлагая палеославистам принять в расчет технологию подготовки и оформления собраний сочинений классиков, не сомневаюсь, что таким манером удастся решить целую серию вопросов, которые неизбежно встанут при издании полного свода творений того или иного древнерусского писателя. Например, Максима Грека. К числу подобных вопросов относится выявление автографов (если они сохранились), атрибуция сочинений, выбор основного списка для каждого из произведений, критический анализ его черновиков и вариантов, необходимых для публикации, приблизительный формуляр комментариев с текстологическими, историко-литературными и реальными справками, селекция библиографии, рекомендуемые индексы. В отношении некоторых писателей приходится решать вопрос о сохранении или, напротив, о раздроблении в интересах хронологии сборников, составленных самим писателем или поэтом по индивидуальному плану (случай, аналогичный авторским сборникам Максима Грека). Попробуем проверить значимость перечисленных вопросов применительно к сочинениям Максима Грека, как вошедшим в два тома, составленных под редакцией Сеницыной, так и подлежащим изданию в томах, еще не подготовленных.

2. Автографы

Иногда бывает полезно проверить, насколько прочен тот фундамент, на котором возводятся мысленные конструкции, включая проблемы атрибуции и – в особенности – истории текста. В нашем случае таким фундаментом, принятым за не подлежащий пересмотру факт, является обнаружение Сеницыной многочисленных русских автографов Максима Грека. На самом деле, поиском автографов афонского труженика занимались любители русских древностей, начиная с митрополита Евгения (Евгений 1827: 26-41), но только Сеницына, как принято считать, надежно опознала руку писателя (Сеницына 1977: 12-43). Собственноручные его записи на русском языке, протяженностью от одной буквы до относительно пространственных текстов, встречаются, по данным исследовательницы, в одиннадцати рукописных книгах (в одной из одиннадцати – предположительно). Из них четыре – это сборники сочинений Максима Грека, откуда явствует принципиальное значение находки почтенного историка. На чем же зиждется умозаключение Сеницыной? Как она признается, “основой последующих отождествлений” послужили наблюдения Б.Л. Фонкича над давно известной рукописью РНБ, Софийское собр., № 78 (Фонкич 1971). Эта рукопись содержит Псалтирь на греческом языке, переписанную Максимом Греком в Твери в 1540 г. для Вениамина, ризничего тверского епископа, о чем и сообщает находящийся в книге колофон. По-видимому, ученый грек обучал по этой рукописи Вениамина

греческому языку. Во всяком случае, помимо греческих, в рукописи налицо разного содержания записи на церковно-славянском. Исследователи прежних времен высказывали уже предположение, что все эти записи или часть их вышли из-под пера Максима Грека. Фонкич пришел к выводу, что кириллические тексты записаны были двумя людьми, из которых один Максим Грек (второй, скорее всего, Вениамин), его почерком переписаны два кондака на Благовещение на л. 160 об., попеременно – сначала по-гречески, потом по-славянски. Признав это первичное отождествление неоспоримым, главным образом, поскольку перемежающиеся греческие и славянские фрагменты записаны одним пером и одними чернилами, Фонкич нашел в той же рукописи еще целый ряд автографов афонского книжника.

Мне уже приходилось высказываться по поводу вошедшей сейчас в моду практики отождествления полууставных почерков (тем более уставных) как о процедуре сугубо эмпирической, а потому небезопасной (см., например: Буланин 2016: 129-130; Буланин 2019: 10). Палеографы так и не придумали общепонятных аргументов, эксплицирующих произведенные отождествления, так что надежность их выводов зависит исключительно от доверия к отдельно взятому палеографу. Такое положение вещей не может не порождать злоупотреблений. Хотя Фонкич безусловно является одним из лучших экспертов по греческим почеркам, атрибуция руке одного и того же человека текстов, написанных на разных языках (греческом и славянском), – очень смелое решение. Думаю, что его нельзя квалифицировать иначе, как более или менее убедительное предположение. Соответственно, предложенное Сеницыной отождествление русских автографов Максима Грека оказывается гипотезой второго уровня, а потому значительно более шаткой, чем та, на которой она базируется. Тем, кто изучает разные разделы в наследии афонского старца (включая автора этих строк), не следовало бы забывать, что, отталкиваясь от отождествлений Сеницыной, они вступают на нетвердую почву возведенных друг над другом субъективных мнений. Если же говорить конкретно о предполагаемых греческих и русских автографах Максима Грека, то есть еще несколько факторов, побуждающих не воспринимать их атрибуцию писателю как аксиоматичную истину.

Однажды мне посчастливилось вторично отыскать известный славистам начала XX в., но потом затерявшийся список грекоязычного варианта послания Максима Грека князю Петру Ивановичу Шуйскому (Владими́ро-Сузда́льский музей, В 5636/429, лл. 140 об.-141 об.). Когда я поделился своей находкой с Фонкичем, он признался, что почерк, которым переписано послание, в точности совпадает с автографами Максима Грека. Беда лишь в том, что греческий текст послания (как и вся рукопись) переписан на бумаге, которая датируется 1620-1630-ми гг. Впоследствии Фонкич опубликовал статью, в которой, чтобы объяснить такое чудо, ему пришлось прибегнуть к довольно громоздкой теории о том, что в Троицком монастыре, откуда скорее всего происходит Владимирская рукопись и где свято береглась память об афонском старце, неизвестный почитатель тщательно воспроизвел подлинный его автограф (Фонкич 1992). Ученый подыскал и подтверждение своей теории: в рукописном сборнике XVII в., содержа-

щем сочинения Максима Грека и также происходящем из Троицкого монастыря (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, л. 13 об.), еще один имитатор почерка почившего грека переписал на греческом языке перечень порядковых числительных. Если мы согласимся с предложенной Фонкичем интерпретацией этого двойного феномена, следует неутешительный (для энтузиастов различения людей по манере письма) вывод: возможность столь точной репродукции автографов компрометирует саму идею опознания писца по его почерку. Разве не мог ризничий Вениамин или кто другой, участвовавший в составлении греческой Псалтири 1540 г., подражать почерку мэтра? И дальше, по принципу домино, падают один за другим – в качестве общепризнанных носителей автографов Максима Грека – все кодексы, выделенные Сеницыной.

Справедливости ради отметим, что исследовательница дает себе отчет, что “почти полное отсутствие сплошного, связного текста” затрудняет отождествление записей Максима Грека, и что это преимущественно записи на полях, “а письмо маргинальных глосс [...] имеет свою специфику”. Более того, Сеницына, как кажется, в ближайшие к нам годы была уже несколько обеспокоена пугающим количеством греческих кодексов из европейских архивов, почерк которых новейшие палеографы атрибутируют Максиму Греку. Исследовательница признает теперь (МГ, I: 23) “желательным более подробное и детальное обоснование идентификаций” (в чем, спросим мы, это обоснование может заключаться, если доказательная платформа подобных операций так и не выработана?). Со своей стороны, позволю себе выразить удивление, что, если видеть в выделенных Сеницыной записях автографы Максима Грека, их функция ничем не отличается от функции исправлений, сделанных другими корректорами. Его предполагаемые автографы лишены примет авторства.

3. *Атрибуция*

Не отказывая построению Фонкича-Сеницыной в праве на существование, внесем лишь поправки в модальность их выводов, признав это построение остроумной, хотя и труднодоказуемой догадкой. При этом в решении всего комплекса проблем, связанных с авторством Максима Грека, ничего кардинально не меняется: личное участие писателя в комплектовании собраний его сочинений в 47 и в 73 главы (тех самых, в списках которых Сеницына опознала руку автора: РГБ, собр. МДА фонд., № 42; собр. МДА по временному каталогу, № 138; собр. Большакова, № 285), а также в создании кодекса, сохранившего некоторые черновики его произведений (РГБ, собр. Румянцева, № 264), ученые обсуждали задолго до открытия предполагаемых автографов писателя. Находящиеся в этих манускриптах тексты издавна признавались как плоды творчества афонского переводчика, включая сюда оригинальные композиции, переводы, тематические подборки выписок из прежних переводов.

В отношении значительной доли произведений, надписанных именем Максима Грека, сомнений в авторстве и сейчас не возникает, потому что они помещены в продуманные по конструкции рукописные собрания сочинений самим автором (о рукописи из собрания Румянцева, № 264, не предназначавшейся для распространения,

скажем далее особо). Не столь уже часто попадают ложно атрибутированные ему сочинения и в позднейших рукописных собраниях, хотя порой туда вставлялись (без имени Максима Грека в заголовке) чужие писания, ассоциирующиеся с кругом его интересов (например, афонские легенды – о посещении Святой горы Богородицею, о Ватопедском монастыре и Иверской чудотворной иконе). Что касается отдельных статей, рассеянных по позднейшим книгам и сборникам, то упоминание в заглавии имени ученого старца свидетельствует только о его престиже, доказывать, что это псевдоэпиграфы, как правило, нет необходимости (см., например: Иванов 1969: № 118, 119, 314). Хочется предостеречь вместе с тем от неизменно воспроизводимого в исследованиях о Максиме Греке доказательства о принадлежности ему какого-то произведения, когда ссылаются на встречающиеся в этом произведении ‘ошибки’ в падежных окончаниях. Аргумент восходит к книге А.И. Соболевского (Соболевский 1903: 262-263), но найденные впоследствии параллели убеждают, что смешение падежных форм (особенно родительного и местного) не является индивидуальной чертой языка нашего героя. Это было довольно распространенное явление (см., в частности: Voupatirou 2018: 744-749), которое я склонен интерпретировать так же, как присущий средневековой славянской письменности принцип пословного перевода – дискретным восприятием текста, где опорной единицей выступает слово в изоляции от контекста (Левин 1995: 25-37 – раздел написан Д.М. Буланиным). Не следует также спешить и причислять к идиосинкразическим чертам языка Максима Грека перебои в падежном управлении именами из категории одушевленных (Olmsted 2002: 6-7). В этом случае, как и в отношении флексий родительного и местного падежей, необходимо учитывать общезыковые, хотя и неоднозначные тенденции (Keipert 1988: 89).

Стратегия исследователя, занимающегося атрибуцией сочинений Максима Грека, должна строиться на двух тезисах. Первый сводится к тому, что, при обсуждении авторского участия в судьбе отдельно взятого текста, изначально должен быть вынесен за скобки анахронистический взгляд на непреодолимость барьеров между оригинальным творением, переводом и целенаправленным заимствованием из уже имеющегося перевода. Второй заключается в необходимости держать в уме присущую древнерусским книжникам вообще, а также Максиму Греку, манеру предварять работу над собственным сочинением сбором тематических выписок из чужих, а иногда из своих старых писаний. Эта манера обусловлена и отсутствием в древности представлений об авторской собственности, и предпочтением средневековых начетчиков сочинительной (паратаксис), а не подчинительной связи между сводимыми в тексте смысловыми единицами (Буланин 1983; 2018: 7-11). Приведем два примера, подтверждающих значимость указанных тезисов.

Берем в качестве первого примера хорошо исследованные и опубликованные переводы Максима Грека из Лексикона *Суда* или *Свида* (Буланин 1984: 53-81, 128-181). По всему судя, ученый грек привез с собой в Россию одно из первых изданий этого энциклопедического свода и не расставался с ним, по крайней мере, до осудивших его церковных соборов, когда у него отобрали все книги. Поначалу он преимущественно

черпал из Лексикона материалы, касающиеся экзегезы Псалтири, но впоследствии стал оформлять для любознательных читателей свои переводы в виде законченных статей просветительского содержания (*Промифей, Похвала Адаму пръвъзданному, Сказание о сивиллах, колико их были*, и др.). Переводы из *Свиды* размером от одной фразы до пространныго рассуждения выполняют в наследии святогорца все мыслимые функции: то это бессистемные подборки, результаты последовательного просмотра огромного справочника, отложившиеся в архиве писателя и частично послужившие черновиками для позднейших манипуляций, то мудрые изречения-афоризмы, переводы греческих слов или толкования непонятных реалий, вкрапленные в собственные сочинения Максима Грека или вынесенные на поля рукописей в качестве маргиналий, то тематические комплексы, чаще всего касающиеся отдельных сюжетов Священного Писания и церковной истории (такие комплексы писатель составлял для своего друга Василия Михайловича Тучкова-Морозова: Плигузов 1986), то, наконец, главы, предназначенные занять свое законное место в очередном рукописном собрании сочинений автора. Использование переводов из *Свиды* Вассианом Патрикеевым (наблюдение А.И. Плигузова) и князем Курбским свидетельствует о неослабевающем интересе читающей публики к этому разделу трудов Максима Грека. Сам переводной текст находился под пером писателя в постоянном движении, так что отдельные переводные статьи Лексикона существуют в разном объеме, при вхождении в тематические блоки некоторые извлечения оттуда переводились заново. Иные вольные переводы-пересказы из Лексикона трудно бывает отличить от тех, что наш герой заимствовал из Хроники Георгия Амартола, в свою очередь, послужившей некогда источником *Свиды*. Если добавить к сказанному, что некоторые заимствования из *Свиды* переводчик снабжал своими разъяснениями, мы окончательно убедимся в отсутствии границ, отделяющих эти заимствования от собственных произведений афонского старца.

Еще более выразителен второй пример – фрагменты из библейских книг, входящие единым блоком в целый ряд рукописных сборников сочинений Максима Грека, начиная от составленного им самим собрания в 47 глав. Фрагменты представляют собой более или менее короткие выписки из книг больших и малых пророков с толкованиями, к которым примыкает еще несколько статей с самостоятельными заголовками из того же библейского источника: *Пророчество о вратех и мере града Иерусалимска..., Многоценных камней имена суть сия, От третьяго видения Данилова, От видения осмаго Данилова...* Далее помещено два отрывка из Первой книги Царств с описанием Голиафа и рассказом о приготовлении Давида к поединку. В то время как извлечения из пророческих книг и толкований, с незначительными переменами, взяты из известного сборника “толковых пророков”, русские списки которого восходят к протографу XI в. с именем Упыря Лихого, отрывки, касающиеся Давида и Голиафа, совпадают с переводом, который читается в Библии Франциска Скорины (Olmsted 1987; 1995). О том, что перечисленные тексты, хотя и не являются собственными переводами Максима Грека, собраны вместе именно его стараниями, говорит не только рукописная традиция, берущая начало от афонского старца. Как показал Х. Олмстед, тематика

выписок перекликается с пафосом, которым пронизаны оригинальные творения нашего писателя, собиратель выписок выступает за обездоленных, подчеркивает, что Бог покровительствует не наделенным властью, а слабым и гонимым, и т.д. Ясно, что все эти моральные заповеди читателю надлежало проецировать на обиженного судьбой автора. Исследователь показал, что выписки из прежних переводов служили для Максима Грека таким же складом черновых материалов, как и переводы из Лексикона *Свиды*, которые он по мере надобности инкорпорировал в свои оригинальные писания. Приходится согласиться с выводом Олмстеда: законное место в творческом наследии афонского старца, наряду с его собственными сочинениями и переводами, занимают целенаправленные заимствования из книг и произведений, уже находившихся в обращении. Такой вывод вполне согласуется и с присущей средневековой письменности ослабленной оппозицией между своими и чужими текстами. Отсюда, между прочим, следует, что статьи, происходящие из древнерусских переводных сборников (*Пролога*, *Измарагда*, и др.) и вставленные между текстами и заметками Максима Грека в рукописях, отражающих его архив (особенно в сборнике Румянцева, № 264), тоже неверно считать чужеродными элементами в наследии писателя.

4. *Текстология*

Текстология сочинений Максима Грека представляет собой трудный аспект в изучении корпуса его трудов, не разобравшись с которым опасно однако продолжать полное академическое издание этого корпуса. Трудность обусловлена тремя факторами:

- 1) существованием довольно значительного количества равноправных авторских (возможно, редакторских, которые обычно невозможно отличить от авторских) вариантов, как правило, на лексическом уровне, возникших на раннем этапе бытования текста;
- 2) устойчивостью текстов, единожды попавших в состав собраний сочинений Максима Грека, особенно тех собраний, что комплектовались после его смерти;
- 3) переписыванием текстов, вошедших в собрания сочинений, в том числе конструированием новых собраний сочинений, по нескольким оригиналам (так называемая “контролируемая текстологическая традиция”).

Последние два фактора свидетельствуют о высоком авторитете автора, потому что аналогичным образом распространялись тогда творения отцов церкви, с которыми и соотносился по своему статусу наш герой. С другой стороны, относительная устойчивость текстов, во всяком случае, на поздних этапах их распространения, в некотором смысле упрощает работу источникововеда, занятого подготовкой научного издания. Ибо ключевое значение приобретают самые первые стадии в истории каждого из сочинений писателя, те главным образом, в которых по прямым или косвенным признакам опознается авторское участие или участие редактора (что, при-

менительно к средневековой эпохе, одно и то же), который однако действовал в не слишком отдаленные от автора времена. Вторжение в словесную ткань творений Максима Грека со стороны позднейших книжников было бы равнозначно святотатству, аналогичному изменениям в наследии святых отцов. Из сказанного не следует, разумеется, что работы этих позднейших книжников, не склонных существенно менять известные тексты, но иногда знакомивших читателей с найденными где-то неучтенными писаниями ученого грека, могут быть игнорированы текстологами.

Нужно признать, что, при всех возможных оговорках, главные для издания – начальные ступени в текстологической судьбе сочинений Максима Грека неплохо отражены последними научными разысканиями о творчестве писателя. Если ограничиться самой общей схемой, ранняя история сочинений писателя может быть представлена в виде нескольких – частично перекрывающих друг друга пластов. Вообще, все писания афонского старца делятся на две части – то, что он сотворил до роковых для него соборов 1525 и 1531 гг., и то, что он сочинял (или полностью переделывал прежде написанное) специально для собраний сочинений, составлением которых он начал заниматься в 1531 г. и над которыми продолжал трудиться вплоть до своей смерти. Дошедшие до нас ранние писания святогорца (первый пласт) сохранились в сборниках разнообразного состава и влились в его собрания сочинений на довольно позднем этапе – ближе к концу XVI в. Именно ранние писания (только оригинальные тексты) опубликованы в первом из томов Максима Грека, изданных под редакцией Синицыной, с ее довольно подробными текстологическими комментариями. Второй пласт, который тоже включает авторские тексты, их виды и редакции, дошел до нас в виде рукописных собраний сочинений. Это упоминавшиеся уже и, возможно, даже авторизованные (если мы согласимся с предложенным нам отождествлением 'автографов' Максима Грека) собрания в 47 и 73 главы. Собрание в 47 глав (без окончания) полностью опубликовано во втором из томов Максима Грека, изданных под редакцией Синицыной, к сожалению, с более скудными (против первого тома) текстологическими экскурсами. Наконец, третий и, возможно, самый ценный пласт составляют рукописи и части рукописей, в которых есть основания усматривать извлечения из архива, точнее из разных частей архива писателя. Примечательной особенностью этих рукописей является то, что там могут соединяться, и чаще всего соединяются, ранние произведения (до соборов) с поздними, в том числе вошедшими в рукописные собрания сочинений. Сюда относятся, помимо известной уже нам рукописи из собрания Румянцева, № 264, раздел XVI в. (с л. 366) из кодекса РНБ, Q.I.219 и связанные с деятельностью Максима Грека тетради в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 791 (лл. 95-164). К этим трем номерам нужно добавить:

- 1) отдельные произведения нашего героя (гл. 7-8, 18-21) из знаменитого Алтайского сборника с *Судным списком Максима Грека* (ГПНТБ, F.IV.3); как установила Л.И. Журова, общие чтения роднят списки этих произведений в Алтайском сборнике и в Румянцевском сборнике (Журова 2009);

- 2) некоторые главы из собрания сочинений Максима Грека, которое я назвал Архивное-2, не известные прочим спискам, или читающиеся только в Румянцевском сборнике; как то свойственно кодексам с материалами из архива Максима Грека, собрание Архивное-2 включает одновременно ранние и поздние произведения писателя.

Несколько сложнее обстоит дело с относительно недавно попавшей в поле зрения ученых рукописью Парижской национальной библиотеки, Slave 123. Не приходится отрицать, что в ней, скорее всего через промежуточные звенья, отразились какие-то части архива ученого грека. На это, прежде всего, указывает хаотичное расположение глав, резко отличающееся от продуманной структуры рукописных собраний сочинений, которые составлялись самим писателем и его ближайшими преемниками. Далее, в рукописи Slave 123 замечена целая россыпь находящихся на полях маргинальных глосс, отсутствующих в прижизненных рукописных сборниках Максима Грека, но соответствующих его манере разъяснять на полях экзотические для московского читателя слова и понятия (греческая лексика, античные реалии: Ševčenko 2000-2001). На принадлежность глосс нашему писателю, помимо прочего, указывает тот факт, что, по меньшей мере, две из них заимствованы были *Азбуковником*, который Л.С. Ковтун датирует серединой XVI в. (Ковтун 1989: 172, 200). Кроме того, в отличие от прижизненных сборников, в кодексе представлена формулярная редакция Слова о тверском пожаре, а одно из посланий Ивану Грозному читается в двух вариантах – в виде личного обращения к самодержцу и преобразованное в учительное слово (*Слово к начальствующему на земли*). Как я показал в своей книге на примере эпистолярных сочинений Максима Грека (Буланин 1984: 95-123), такая “деперсонализация” – обычный этап в эволюции первоначального жанра его статей, соответственно, нет надобности подыскивать тому конспирологические или политические мотивировки (ср. МГ, II: 381-382, 387-388). А наличие в пределах одного кодекса нескольких вариантов одного произведения выдает связь с черновиками автора (подобных случаев немало в Румянцевском сборнике). Журова небезосновательно предполагает, что из черновых записей автора компилированы внутренне противоречивые тексты, занимающие в Парижской рукописи гл. 5 и 6 (Журова 2008: 177-178). И, наконец, на источник чернового характера намекает статья в Slave 123 с дополнениями к первой редакции составленного святогорцем *Толкования именам по алфавиту*. Из того, что среди источников Парижской рукописи были какие-то черновики автора, не следует однако, что все включенные в рукопись главы могут быть использованы как ‘контрольные’ при выборе чтений (ср. МГ, II: 351, 363, 390, 393, 394): до сих пор не представлено ни одного необратимого разночтения, в котором Парижская рукопись, сравнительно с главами из прижизненных рукописных сборников Максима Грека, стояла бы ближе к архетипу.

В рукописных источниках из перечисленных трех пластов находятся тексты, наиболее близкие к авторским, а потому для издателя сочинений Максима Грека они

составляют 'золотой фонд', из которого нельзя потерять ни одного факта. Например, приходится пожалеть, что во втором томе новоизданного собрания не учтен последний и самый полный вариант программного политического манифеста святогорца (*Главы поучительны начальствующим правоверно*) из рукописи РНБ, Q.I.219, лл. 367-384 об. (Буланин 2019а). Последующая судьба наследия нашего героя в рукописной традиции связана с составлением и распространением разных типов его собраний сочинений. Как было сказано, источниковед не может оставить без внимания эту менее разработанную область, помимо прочего, потому что в поздние рукописные собрания периодически вливались новонайденные произведения, которые однако же несомненно принадлежат перу Максима Грека. Но текстология сборников относительно устойчивого состава, каковыми являются разные типы рукописных собраний сочинений афонского старца, требует иных методов. Эволюцию сборника не получится вывести из суммы текстологических исследований, касающихся отдельных составляющих этого сборника, тут требуется комплексный подход (ср. МГ, I: 471; II: 41). Вроде того, который разработал в своих плектограммах Олмстед, который выделяет в разных типах рукописных собраний устойчивые комплексы статей и, на этом основании, стремится определить зависимость одного собрания от другого (Olmsted 1994). Некоторые выводы ученого стали прочным достоянием науки: он доказал вторичность Никифоровского вида Хлудовского собрания относительно Бурцевского вида, подтвердил зависимость собрания Ионы Думина от Рогожского (условные названия раскрыты в предисловиях к двум новоизданным томам сочинений Максима Грека). Кроме того, Олмстед обсуждает связь Парижской рукописи (точнее, зависимого от нее Синодального собрания) и Полного собрания (в 151 главы). Счастливая находка другого ученого позволила подтвердить наблюдения Олмстеда и установить стадияльное старшинство Парижской рукописи относительно Синодального, Музейного и Полного собраний: в Slave 123 механически перемещена тетрадь из 8 листов – дефект, отразившийся внутри соответствующих текстов во всех трех позднейших собраниях (Крутецкий 2006: 19-20). Выяснены пути формирования собрания в единственном списке РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 495/514 и позднего Поморского собрания. Несмотря на ряд достижений, генеалогическое исследование типов рукописных собраний с сочинениями святогорца остается малоосвоенным разделом в истории его текстов.

5. *Комментарии*

Баланс между текстологическими, историко-культурными и реальными комментариями обусловлен в академическом типе издания спецификой литературного наследия публикуемого автора. Если говорить о препарировании текстов Максима Грека в вышедших двух томах, то в первом из них с текстологической точки зрения все сделано безукоризненно. Форма подачи текста во втором томе, в котором для всех произведений выбран главным один и тот же прижизненный список (собр. МДА фонд., № 42), менее удобна. На с. 349 перечисляется еще шесть рукописей, 'использованных'

в издании, однако читатель остается в неведении, какие из них привлечены как источник разночтений к каким из текстов. А если какие-то не привлечены, то сделано ли это из-за отсутствия в рукописи соответствующей главы, из-за отсутствия разночтений или потому что они были сочтены издателем нерелевантными. Сведения об этом должны быть приложены к каждому из публикуемых памятников. Обстоятельства, при которых писалось абсолютное большинство трудов Максима Грека, нам не известны, поэтому историко-литературный комментарий вполне можно уместить во вступительной статье, как то и сделала Сеницына. Также нам известно совсем мало случаев буквальных заимствований из произведений Максима Грека в творениях писателей более позднего времени. Тем более важно обратить внимание на такие случаи, как, например, извлечения из Максимова Слова о тверском пожаре, найденные М.А. Салминой в *Сказании вкратце о бывшем пожаре града Ярославля* (Салмина 2003).

Ощутимый пробел в изданных томах – отсутствие в них реальных комментариев. Речь не идет, разумеется, об энциклопедических справках, которые самостоятельно может навести читатель по общедоступным словарям. Речь идет, прежде всего, об источниках. Издатель ограничился указанием на цитируемые Максимом Греком библейские стихи. Этого, разумеется, недостаточно, поскольку в сочинениях нашего героя встречаются имена, которых не найдешь в энциклопедиях, воспроизводятся редкие сюжеты, иногда с дополнительными подробностями, используется широкий круг русских и иноземных источников, поиском которых занимались уже первые читатели афонского переводчика (составители *Азбуковника*) и на опознание которых потратили немало сил современные исследователи. Тому, кому адресованы изданные два тома, предлагается пройти такой путь заново, с чем едва ли можно согласиться. Покажу на нескольких примерах, сколь важен реальный комментарий не только для наших представлений о круге чтения и риторическом мастерстве Максима Грека, но и для элементарного понимания его текста. Беру те контексты, на которые, сколько мне известно, не обратили до сих пор внимания знатоки творчества писателя.

В Послании Василию III об афонских монастырях, которое помещено в издании Сеницыной как самое первое сочинение грека из написанных в России, между прочим, сообщается: “древние писатели глаголють”, что при заходе солнца тень от Афонской горы достигает острова Лемнос (МГ, I: 120). Сеницына обратила внимание, что в старшем списке произведения (РНБ, Софийское собр., № 1498) в основном тексте читается “в островопристанница”, но потом “пристанница” зачеркнуто и на поле записано “Лимнос”. Первоначальная ошибка справедливо объясняется смешением названия острова и греческого λιμήν (‘пристань’). Перед нами уникальный случай необратимого разночтения, которое позволяет определить взаимоотношение списков Послания. Непосредственное участие Максима Грека в исправлении доказывается тем, что, ссылаясь на “древних писателей”, писатель подразумевает хорошо известную греческую поговорку, впервые употребленную Софоклом (Ἄθως σκιάζει νότα Λημνίας βόας), которую, в числе других, растолковывает и Лексикон *Свиды*, как мы помним, всегда находившийся под рукой у нашего героя (Pearson 1917: No. 776). Еще один пример касается оригинального

толкования имени “Василия”, которое, согласно выводу Сеницыной, записано рукой Максима Грека в рукописи из собрания МДА по временному каталогу, № 138, л. 179 об.: “Толк: сиречь царство, а тлъкуется утверждение люудем (!)” (МГ, II: 390). Совершенно непонятно, почему это объяснение (от βασις и λαός), которое, конечно, мог изобрести только носитель греческого языка (но не обязательно сам его записать!)², считается вторичным сравнительно с кратким толкованием в других рукописях (“Толк: царство”). Составление реальных комментариев избавило бы издание от довольно элементарных ошибок, как в случае с припиской к Посланию “о немецкой прелести, глаголемей фортуне” (МГ, II: 307). Тут цитируется почему-то не опознанное 1 Ин. 4:18: “В любви бо несть страха, глаголеть бо Анергес”. Никто из печатавших эту приписку, начиная с В.Ф. Ржиги, не соотнес приведенные слова с Мк. 3:17, где арамейским словом “Боанергес / Воанергес” (сыны Громовы) Спаситель называет Иакова Заведеева и Иоанна (Ржига 1935-1936: 91; Иванов 1969: 126; Журова 2011: 103, прим. 12). “Сыном Громовым” (Βροντογενής) Максим Грек именует Иоанна Богослова в других своих произведениях, написанных и по-гречески, и по-славянски (МГ, I: 102; II: 284).

6. План завершения

Из написанного выше можно уже составить общее представление о том, каким хотелось бы видеть полное собрание сочинений Максима Грека. Выпущенные Сеницыной два тома превосходны, но они неполны даже в пределах той ограниченной программы издания, которую разработал редактор этих томов. Программу свою Сеницына впервые объявила в первой половине 1990-х гг. (Сеницына 1993-1994), но лишь пятнадцать лет спустя приступила к ее реализации. Во введении к первому тому, в разделе, озаглавленном *О структуре и принципах издания*, исследовательница обрисовала его как серию, состоящую из шести частей (МГ, I: 9-14). Состав этих частей таков: первая часть охватывает немногочисленные тексты на греческом языке, оставшиеся от итальянского и афонского периодов жизни Максима Грека, вторая – те оригинальные произведения, которые писатель успел сочинить до злополучных соборов 1525 и 1531 гг. и наиболее надежные списки которых находятся в ранних сборниках разнообразного содержания. Третья часть включает рукописное собрание сочинений святогорца в 47 глав, сохранившееся в прижизненных рукописях, где Сеницына распознала автографы писателя. В четвертую часть должны войти главы еще одного прижизненного собрания – в 73 главы, те из них, которых не было в собрании из 47 глав. В пятой части должны быть напечатаны тексты из не упорядоченного по структуре Румянцевского сборника (те, что не вошли в третью и четвертую части), в шестой – памятники, которые были включены позднейшими книжниками в рукописные собрания, составлявшиеся после смерти автора. Обнародованы были Сеницыной только первые три части, из них две – в первом томе, а третья – во втором.

² У слова нет общепризнанной этимологии (Frisk 1960: 222-223).

Достоинно изумления, что вышедшие тома не включают гимнографического наследия Максима Грека, хотя его грекоязычный Канон Иоанну Крестителю упоминается в рассмотренном введении Сеницыной *expressis verbis*. К этому канону, напечатанному когда-то И. Денисовым, теперь необходимо добавить еще один – Эразму Охридскому, отысканный К. Цилианнисом (Τσιλιαννίσης 2005). Аналогичным образом без каких-либо оговорок во второй том не включен Канон Параклиту из числа текстов, находящихся без собственной нумерации в конце собрания в 47 глав. Как мы помним, здесь же – в конце этого собрания – читаются выписки Максима Грека из пророческих книг, которые сыграли важную роль в творчестве писателя и тоже не могут быть пропущены. И еще: поскольку мы признали неправильным ограничивать издание его оригинальными сочинениями, вторую часть (включающую, по программе Сеницыной, труды до 1525 г.) следовало бы дополнить внушительной массой переводов – теми, что сделаны для Кормчей Вассиана Патрикеева, теми, что переведены из агиографического сборника Симеона Метафраста (они часто попадали в те же рукописные сборники, что и ранние творения самого Максима Грека), из Лексикона *Свиды*, и др. Правильным было бы напечатать третий том в качестве дополнительного к первым двум, где, кроме пропущенных текстов, следовало бы разместить реальный комментарий к произведениям, вошедшим в два вышедших. Далее можно было бы придерживаться программы Сеницыной, распространяя содержание намеченных ею частей следующим образом. Румянцевский сборник необходимо печатать *in extenso*, включая тексты, привлекавшиеся в разночтениях к публикации произведений, которые вошли в предыдущие части, а также все попавшие в кодекс переводы и заимствования из будто бы посторонних древнерусских источников (Максим Грек их не считал чужими). Вслед за текстами Румянцевского сборника должны быть напечатаны, тоже без изъятий, перечисленные нами разделы других рукописей, содержащих материалы из архива Максима Грека. Завершить полное собрание сочинений афонского писателя можно было бы публикацией наиболее объемных переводов, выполненных им самим или, по крайней мере, при его участии (Толковая Псалтирь, Толковый Апостол, Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, а возможно и на Евангелие от Иоанна). Завершенное в таком составе полное собрание сочинений Максима Грека знаменовало бы собой важнейший этап в изучении его наследия и одновременно стало бы достойным подражания образцом для публикации в подобной форме трудов других выдающихся писателей Древней Руси.

Сокращения

ГИМ	Государственный исторический музей.
ГПНТБ	Государственная публичная научно-техническая библиотека.
МГ	Преподобный Максим Грек, <i>Сочинения</i> , I-II, Москва 2008-2014.
МДА	Московская духовная академия.
РАН	Российская Академия наук.
РГБ	Российская государственная библиотека.
РИБ	<i>Русская историческая библиотека</i> , I-XXXIX, Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград 1872-1927.
РНБ	Российская национальная библиотека.
СККДР	<i>Словарь книжников и книжности Древней Руси</i> , I-IV, Ленинград-Санкт-Петербург 1987-2017.

Литература

- Буланин 1983: Д.М. Буланин, *О некоторых принципах работы древнерусских писателей*, "Труды Отдела древнерусской литературы", XXXVII, 1983, с. 3-13.
- Буланин 1984: Д.М. Буланин, *Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты*, Ленинград 1984.
- Буланин 2016: Д.М. Буланин, *Ефросиновская версия Чуда о спасенном отроке в Дохиарском монастыре*, "Русская литература", 2016, 3, с. 120-135.
- Буланин 2018: Д.М. Буланин, *Предисловие*, в: Он же (ред.), *Берлинский Кормчий: Древнерусский учительный сборник XIV века*, Санкт-Петербург 2018, с. 7-11.
- Буланин 2019: Д.М. Буланин, *Книжное наследие Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Новые открытия и новые перспективы*, "Русская литература", 2019, 1, с. 5-18.
- Буланин 2019а: Д.М. Буланин, *К интерпретации символов Московского царства: (Александр Македонский как идеал правителя)*, в: Е.Л. Конявская (ред.), *Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы X Международной научной конференции*, Москва 2019, с. 38-39.
- Гардзанити 2019: М. Гардзанити, *Периодизация литературы донетровской Руси и концепция средневековья в России*, "Известия РАН. Серия литературы и языка", LXXVIII, 2019, 3, с. 5-13.
- Дмитриева 1955: Р.П. Дмитриева, *Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы*, "Труды Отдела древнерусской литературы", XI, 1955, с. 491-499.

- Евгений 1827: Евгений (Болховитинов), *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви*, II, Санкт-Петербург 1827².
- Журова 2008: Л.И. Журова, *Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции*, I, Новосибирск 2008.
- Журова 2009: Л.И. Журова, *Сочинения Максима Грека в системе Алтайского (Сибирского) сборника*, "Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история", 2009, 3, с. 11-15.
- Журова 2011: Л.И. Журова, *Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции*, II. *Сочинения*, Новосибирск 2011.
- Иванов 1969: А.И. Иванов, *Литературное наследие Максима Грека*, Ленинград 1969.
- Ковтун 1989: Л.С. Ковтун, *Азбуковники XVI-XVII вв.: Старшая разновидность*, Ленинград 1989.
- Крутецкий 2006: В.Ю. Крутецкий, *Максим Грек и русская культура последней четверти XVI века: Автореферат дисс.*, Ярославль 2006.
- Лавров 2011: А.В. Лавров, *Проблемы академических изданий классиков русской литературы*, "Вестник РАН", LXXXI, 2011, 11, с. 970-980.
- Левин 1995: Ю.Д. Левин (ред.), *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век*, I. *Проза*, Санкт-Петербург 1995.
- Плигузов 1986: А.И. Плигузов, *Василий Тучков – собеседник Максима Грека*, в: В.И. Буганов (ред.), *Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVIII вв.*, Москва 1986, с. 62-93.
- Ржига 1935-1936: В.Ф. Ржига, *Неизданные сочинения Максима Грека*, "Byzantinoslavica", VI, 1935-1936, с. 85-108.
- Салмина 2003: М.А. Салмина, *Новонайденный источник "Сказания вкратце о бывшем пожаре града Ярославля"*, "Труды Отдела древнерусской литературы", LIII, 2003, с. 593-595.
- Синицына 1977: Н.В. Синицына, *Максим Грек в России*, Москва 1977.
- Синицына 1993-1994: Н.В. Синицына, *Проект издания сочинений Максима Грека*, "Syrillomethodianum", XVII-XVIII, 1993-1994, с. 93-141.
- Соболевский 1903: А.И. Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков: Библиографические материалы*, Санкт-Петербург 1903.
- Фонкич 1971: Б.Л. Фонкич, *Русский автограф Максима Грека*, "История СССР", 1971, 3, с. 153-158.
- Фонкич 1992: Б.Л. Фонкич, *О греческом тексте послания Максима Грека князю П.И. Шуйскому*, в: Л. Магаротто, Д. Рицци (ред.), *Русская духовная культура*, Trento 1992, с. 335-351.

- Bounatirou 2018: E. Bounatirou, *Eine Syntax des "Novyj Margarit" des A.M. Kurbskij: Philologisch-dependenzgrammatische Analysen zu einem kirchenslavischen Übersetzungskorpus*, II, Wiesbaden 2018.
- Frisk 1960: H. Frisk, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg 1960.
- Keipert 1988: H. Keipert, *Die slavische Übersetzung des Photius-Briefs an Boris-Michael von Bulgarien*, в: H.-B. Harder, H. Rothe (hrsg.), *Gattungen in den slavischen Literaturen: Beiträge zu ihren Formen in der Geschichte*, Köln-Wien 1988, с. 89-113.
- Olmsted 1987: H. Olmsted, *A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets*, "Modern Greek Studies Yearbook", III, 1987, pp. 1-73.
- Olmsted 1994: H. Olmsted, *Modeling the Genealogy of Maksim Grek's Collection Types: The 'Plectogram' as Visual Aid in Reconstruction*, в: M.S. Flier, D. Rowland (eds.), *Medieval Russian Culture*, II, Berkeley 1994, с. 107-133.
- Olmsted 1995: H. Olmsted, *Maksim Grek's "David and Goliath" and the Skaryna Bible*, "Harvard Ukrainian Studies", XIX, 1995, с. 451-475.
- Olmsted 2002: H. Olmsted, *Recognizing Maksim Grek: Features of His Language*, "Palaeoslavica", X, 2002, 2, pp. 1-26.
- Pearson 1917: A.C. Pearson (ed.), *The Fragments of Sophocles*, III, Cambridge 1917.
- Ševčenko 2000-2001: I. Ševčenko, *Gleaning 5*, "Palaeoslavica", VIII, 2000, с. 354-358; IX, 2001, с. 288-300.
- Τσιλιγιάννης 2005: Κ. Τσιλιγιάννης, *Άγίου Μαξίμου του Γραικού ιερά Άκολουθία για τον Άγιο Έρασμο*, Άγιον Όρος 2005.

Abstract

Dmitrii Mikhailovich Bulanin

The Publication of the Complete Collected Works of Maximus the Greek: The Beginning of the Project and the Plan for its Final Realization

Under the supervision of N.V. Sinicyna, the first and second volumes of the academic series of the collected works of Maxim the Greek were published in 2008 and 2014 respectively. The publication of these two volumes was the first step of a grandiose project, which promises to be a major event in Slavic studies. If the project is finished, the prospect of which has become less definitive after Sinicyna's death in 2018, the series would conclude the preliminary stage in the evaluation of the writings of Maxim the Greek, and at the same time, open up new perspectives in the study of his writings. The author of the article, hoping that such an important undertaking will not stop at the second volume, offers a plan for completing the series. Some wishes are also expressed regarding additions to the already published volumes. In particular, it is absolutely necessary to include certain texts missing in the first volumes (translations and compilations among others) as well as commentary to the texts already published. Afterwards the publication of the series has to be continued. In order to face the problems that will arise in the process of preparing the next volumes, the author recommends to make use of the experience accumulated by Russian philologists. Indeed, they have published at a high academic level, multivolume series of complete collected works of each of the most prominent Russian writers. The questions that arise with the publication of every academic series of the kind includes the identification of autographs (if they are preserved), the attribution of the compositions, the selection of the main version for each of them, a critical analysis of its drafts and of the variants relevant for publication, the models of the historical, literary and real commentaries, the selection of a bibliography, and the required indices. In the case of Maxim the Greek, the publisher should take into account his extraordinary biography as far as it is reflected in his works, his encyclopedic erudition, the extensive manuscript tradition of his works, and different strata of manuscript evidence. If the work is completed according to the proposed plan, the collected works by Maxim the Greek might become a model for similar publications of other Old Russian writers.

Keywords

Academic Publication; Complete Collected Works; Autograph; Attribution; History of the Text; Historical, Literary and Real Commentaries; Plan for the Final Realization of the Project.